

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.4

УДК 316.454 | ББК 60.561.51

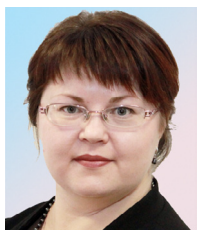
© Барсуков В.Н., Калачикова О.Н.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУТА ОТЦОВСТВА¹

ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ БАРСУКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
г. Вологда, Российская Федерация
e-mail: lastchaos12@mail.ru
ORCID: [0000-0001-7819-8297](https://orcid.org/0000-0001-7819-8297); ResearcherID: [I-8179-2016](https://orcid.org/I-8179-2016)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
г. Вологда, Российская Федерация
e-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); ResearcherID: [I-9562-2016](https://orcid.org/I-9562-2016)

Проблема участия отцов в воспитании детей в XXI веке актуализируется по целому ряду причин. С экономической точки зрения это обусловлено распространением гендерного равенства и расширением присутствия женщин на рынке труда. С другой стороны, исследования говорят о существенной взаимосвязи между комплексным участием отца в уходе за детьми и стабильностью отношений между супругами, что отражает важность указанной проблемы в социокультурной системе координат. Наша работа посвящена изучению эффектов отцовского воспитания и барьеров распространения новой модели позитивного включенного отцовства. Материалами послужили данные зарубежных исследований, результаты серии интервью в Республике Татарстан и Вологодской области, итоги всемирного опроса World Values Survey. На основе проведенного анализа отмечена главная особенность трансформации института отцовства – повышение уровня «активной» вовлеченности в воспитание детей,

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00644 «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)». Руководитель гранта – Ч.И. Ильдарханова, д-р социол. наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

в то время как еще несколько десятилетий назад можно было говорить лишь о высоком уровне «пассивной» ответственности (т. е. фактическое пребывание в одном пространственно-временном континууме с ребенком). В сумме с доказанным фактом позитивного влияния вовлеченности отцов на целый ряд компонентов жизненных траекторий детей выявленный тренд трансформации института отцовства позволяет предположить качественно новые сдвиги в формировании семейно-детных отношений в будущем. Но, несмотря на позитивные изменения и колоссальный потенциал, трансформация института отцовства происходит, вероятно, гораздо медленнее возможного сценария в силу имеющихся барьеров и ограничений, преимущественно связанных с сохранением в памяти поколений устоявшихся гендерных ролей, которые препятствуют реализации индивидуальных стратегий поведения внутри семьи, в том числе за счет отсутствия соответствующих компетенций. Помимо этого, перед отцами встают институциональные барьеры, ограничивающие не только функционал взаимодействия с детьми, но и временные ресурсы, которые отцы могут использовать для воспитания ребенка.

Мужчины, практики отцовства, генеративное поведение, демографический кризис.

Введение

Участие отца в воспитании выступает одним из главных долгосрочных факторов успешности жизненной траектории ребенка. Как отмечается в «Программе о заботе и воспитании детей» [1], родители и опекуны являются наиболее важными субъектами, обеспечивающими заботу о детях. Хотя женщины исторически брали на себя основную долю воспитательной работы, в данном стратегическом документе делается акцент на важности отцовского воспитания и его возрастающей значимости в рамках установления гендерного равенства. При этом в Программе отмечается, что в мире по-прежнему сохраняется ряд ограничений и препятствий на общественном и индивидуальном уровне, с которыми сталкиваются мужчины, осуществляющие попытки расширения спектра задач в воспитательном процессе. Во многом это обусловлено сохраняющимися в культурно-исторической памяти поколений стереотипами о месте и роли мужчин в семейных отношениях. Безусловно, многие из установившихся моделей поведения мужчин в рамках семейно-детных отношений определяются объективными факторами, однако мы можем констатировать, что институт отцовства претерпевает существенные изменения. На предыдущем этапе исследования на примере развитых стран нами

были представлены актуальные сегодня проявления трансформации института отцовства: увеличение вовлеченности отцов в воспитание детей, стирание границ в выполнении домашних обязанностей, расширение спектра ролей отцов во взаимодействии с детьми, увеличение количества времени, уделяемого семье и детям [2]. Цель данной статьи – систематизировать эффекты отцовского воспитания и барьеры распространения новой модели позитивного включенного отцовства.

Положительные и отрицательные последствия включенности отцов в воспитательный процесс изучены достаточно хорошо. За последние полвека исследования института отцовства значительно расширили концептуальное представление о многогранности способов положительного (и негативного) влияния отцовского воспитания на здоровье и жизненные траектории детей. В любом случае, анализируя процесс воспитания, мы отвечаем на два ключевых вопроса: каким родители видят своего ребенка (результат воспитания) и как они идут к своей цели (методы воспитания). Логично, что оба аспекта эволюционируют вместе с общественным развитием, трансформируя родительские цели и практики.

Существуют прямые и косвенные модели воспитания, в рамках которых отцы (как проживающие совместно с детьми, так

и не проживающие) воздействуют на развитие ребенка [3]. В исследованиях, посвященных взаимосвязи поколений отцов и детей, выделяются два основных направления передачи родительского опыта: прямой и косвенный [4]. Прямой путь – результат наблюдательно-социального обучения [5]. Проще говоря, то, как некто был воспитан в детстве, повлияет на его родительские характеристики в будущем. Ранние исследования были направлены на изучение передачи радикальных методов контроля, связанных с физическим воздействием [6]. Доказано, что принятие физического насилия как нормы воспитания становится доминантой для ребенка, которую он делает основополагающей в иерархии собственных методов воспитания в будущем.

Второй потенциальный путь – косвенный. Физическое воздействие со стороны родителей способствует более высокому уровню агрессивного поведения при взаимодействии с другими людьми, что может привести к жестокому воспитанию собственных детей в дальнейшем. И наоборот, родительская забота ослабляет развитие агрессивного поведения, особенно у подростков, входящих в группы риска [6]. Т. е. в данном случае речь идет не о прямой передаче родительского опыта, а о его влиянии на процесс социализации детей вне семьи, что, в свою очередь, в дальнейшем проецируется на их стиль воспитания.

Показатели вовлеченности отца в воспитание детей могут быть оценены количественно (использование временных ресурсов членами семьи на воспитание детей [6]) и качественно [4]. Второй вариант позволяет в большей степени оценить степень и характер вклада в воспитательные процессы, выражающиеся в трудноизмеримых категориях. Одним из наиболее распространенных методов оценки выступают дневники бюджета времени с детализацией практик, экстраполируемые на национальные репрезентативные наборы данных. Большинство таких исследований в западных странах демонстрирует увеличение времени, посвященного деятельности по уходу за детьми,

в сравнении с поколениями отцов 1970-х гг. [7]. Весьма ярко эта тенденция проявилась в Великобритании, где абсолютный уровень вовлеченности отцов в уход за детьми в возрасте до 5 лет (например, смена подгузника или готовка пищи) возрос с базового показателя в районе 15 минут в день в середине 1970-х гг. до двух часов в день к концу 1990-х гг.

Сравнивая итоги четырех национальных опросов домашних хозяйств с детьми-иждивенцами в США в период с 1965 по 1998 год, Sayer, Bianchi и Robinson [8] выявили тенденцию к тому, что матери и отцы тратят больше времени на уход за детьми, несмотря на увеличение числа семей с двумя работающими родителями в этот период времени. Исследователи выделяют две категории родительского участия: рутинные ежедневные задачи по уходу за детьми (например, физический уход) и время в обучении и играх (например, помощь с домашним заданием; игры в помещении). Ранее констатировалось, что отцы избирательно общаются к более «веселой» стороне семейной жизни, оставляя рутинную физическую заботу матерям [4]. В данном же обследовании, напротив, выявлено, что абсолютные уровни участия как в обучении и играх, так и в рутинном уходе за детьми возросли и для матерей, и для отцов.

В целом время, затрачиваемое на все мероприятия по уходу за детьми, увеличилось с 80 до 95 минут в день для матерей и с 17 до чуть менее 60 минут для отцов. Sayer [8] констатирует, что отцы стали уделять заметно больше времени всему спектру мероприятий по уходу за детьми, а не только развлекательной составляющей.

Влияние отцовского воспитания на благополучие детей сложно переоценить. В целом ряде исследований доказывается, что активное и заинтересованное участие отцов в воспитании детей дает существенные положительные результаты, выражающиеся в успешном раннем обучении ребенка и развитии когнитивных навыков [9–14]. При этом отмечается, что влияние отцов на успешность когнитивного развития де-

тей значительно превышает аналогичное влияние матерей на этот процесс [15]. Таким образом, можно заключить, что данные элементы жизненных траекторий детей в раннем детстве и более позднем периоде во многом зависят от включенности отцов в воспитание [16–18].

В контексте здоровьесбережения весьма важно, что отцы играют первостепенную роль в формировании установок детей на занятия физической культурой и спортом [19]. Возможно, именно в недостаточном отцовском участии в воспитании детей кроется причина низкой физической активности целых поколений. Выявлено, что включенность отцов в воспитательный процесс способствует поддержанию психического здоровья детей и формированию адаптационных возможностей к преодолению стрессовых ситуаций в подростковом и зрелом возрасте [20; 21]. Важно отметить, что это в наибольшей степени характерно для девочек, чьи адаптационные возможности сильно коррелируют с уровнем вовлеченности отцов в процесс их воспитания. Следует отметить, что участие отцов в воспитательном процессе косвенно (без учета внешних факторов) ведет к улучшению отношений детей со сверстниками, повышению уровня самооценки и удовлетворенности жизнью [22–24].

При всех положительных сторонах последствий включенности в процесс воспитания детей существует и обратная сторона, когда участие отца находит свое выражение в применении радикальных методов контроля и дисциплины. Использование отцами физических наказаний сильно коррелирует с негативными последствиями на протяжении всей жизни ребенка в будущем. Лонгитюдные исследования демонстрируют, что респонденты, подвергавшиеся физическому и эмоциональному насилию со стороны родителей или опекунов, значительно чаще сталкиваются с проблемами со здоровьем (чаще – психическим) уже в молодом возрасте, напрямую связывая их со своим семейным «бэкграундом» [21]. При этом в ряде работ убедительно доказывает-

ся тот факт, что применение физического воздействия со стороны матерей приводит к существенно меньшим негативным последствиям, чем со стороны отцов. В частности, грубое эмоциональное и физическое наказание во многом способствует десоциализации детей (особенно мальчиков) и нарастанию проблем в общении со сверстниками [25; 26].

Применение мужчинами насилия в отношении женщин – еще один важный аспект негативных воспитательных воздействий. Наличие насилия в отношении женщин, в первую очередь матери, оказывает существенное влияние на ценностные установки детей в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В частности, дети, ставшие свидетелями насилия в семье, чаще подвержены риску травматизма, в меньшей степени могут контролировать свою агрессию [16]. Эти эффекты могут усугубляться, поскольку в семье одновременно могут сосуществовать разные формы насилия (например, со стороны обоих родителей). Несмотря на то, что постепенно физическое насилие как метод воспитания становится социальным рудиментом, по мнению целого ряда исследователей эта проблема по-прежнему остается актуальной в силу укоренившихся в культурно-исторической памяти поколений традиций [8; 18].

Итак, исследователи фиксируют тенденцию повышения вовлеченности отцов в процесс воспитания, что выражается как в увеличении количества времени, затрачиваемого на детей, так и в расширении проявлений участия (бытовой уход, организация досуга, образовательная деятельность), а также стремление к приобретению недостающих компетенций. При этом просматривается и изменение методов, в первую очередь связанное с редуцированием физических воздействий.

Далее приведем данные о том, какие качества отцы хотели бы воспитать в детях. Рассмотрим мнения двух поколений мужчин в возрасте от 30 до 45 лет: конца 1990-х (П1) и второго десятилетия 2000-х гг. (П2) по данным двух волн мирового социологического

Таблица. Распределение ответов на вопрос «Насколько для Вас важны следующие характеристики в детях?» (вариант ответа «Важно»), %

Качество	Россия			Швеция			США		
	1990–1994 гг.	2017–2020 гг.	+/-	1990–1994 гг.	2017–2020 гг.	+/-	1990–1994 гг.	2017–2020 гг.	+/-
Хорошие манеры	57.3	58.4	1.1	78.0	69.1	-8.9	76.4	51.7	-24.7
Независимость	29.2	34.1	4.9	36.4	66.1	29.7	52.3	55.5	3.2
Трудолюбие	92.6	75.8	-16.8	5.3	8.2	2.9	48.5	67.9	22.1
Чувство ответственности	69.5	67.6	-1.9	89.0	82.4	-6.6	71.9	59.3	-12.6
Воображение	11.3	16.5	5.2	40.4	43.8	3.4	26.7	29.8	3.1
Толерантность и уважение к другим людям	70.2	56.2	-14.0	90.8	92.4	1.6	71.4	70.8	-0.6
Бережливость, экономия денег	60.9	48.2	-12.7	48.2	30.4	-17.8	28.7	27.2	-1.5
Решимость, настойчивость	39.7	39.9	0.2	33.0	40.4	7.4	35.8	38.6	2.8
Религиозность	8.0	11.0	3.0	6.4	4.6	-1.8	55.0	32.1	-22.9
Бескорыстие	24.0	15.5	-8.5	29.1	36.2	7.1	36.7	28.3	-8.4
Послушание	25.9	18.5	-7.4	24.9	7.3	-17.6	39.3	20.5	-18.8

Источник: данные World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV2.jsp>

опроса World Values Survey² в трех странах мира: России, Швеции и США.

В анкете обеих волн опроса респондентам предлагалось определить, насколько важно наличие тех или характеристик у их детей. Мы не будем подробно останавливаться на страновых различиях, ввиду того что в анализе представлены только три страны (это обусловлено незначительным числом государств, принимавших участие в первой волне опроса). Однако даже из приведенных данных видно (табл.), что, например, в России и США отцы акцентируют внимание на такой характеристике, как трудолюбие детей, в Швеции сфокусированы на нем в гораздо меньшей степени. В то же время шведские отцы гораздо чаще хотели бы видеть в своих детях толерантность и уважение к другим людям, развитое воображение, чувство ответственности. Указанные различия еще раз подтверждают, что дифференциация страновых моделей отцовства определяется влиянием внутренних экономических, культурных, социальных, рели-

гиозных и иных факторов. Безусловно, эта тема требует отдельной более глубокой проработки.

С позиций оценки изменений желательного результата воспитания гораздо важнее определить, каким образом значимость тех или иных характеристик поменялась за 30-летний период во всех трех государствах, вне зависимости от страновых особенностей моделей отцовства и отношения к детям.

Обращает на себя внимание постепенная утрата важности такой характеристики, как бережливость и экономия денег. Представляется, что во многом это связано с ростом уровня жизни во всех трех странах и существенно различающимся отношением поколений отцов П1 и П2 к материальным вещам. На наш взгляд, эти изменения обусловлены в большей степени социально-экономическими трансформациями, нежели социокультурными.

Более значимой представляется утрата актуальности таких характеристик детей, как хорошие манеры и послушание. В данном

² Мировой социологический опрос World Values Survey является международной социологической программой и проводится с 1981 года. На текущий момент проведено 7 волн опроса. В данной работе представлены результаты второй (опрос проводился в 21 стране мира) и четвертой (49 стран) волн. Объем выборки территориально варьируется от 1500 до 3000 респондентов.

случае, на наш взгляд, не следует буквально понимать эти изменения. С высокой долей вероятности в обоих поколениях отцов указанные характеристики имеют важное значение, но если взглянуть на этот процесс сквозь призму рассматриваемых нами моделей, то можно предположить следующее. В исследовании [6] в ходе анализа 204 интервью с родителями П1 эмпирически подтверждено, что применение физического воздействия по отношению к детям в большинстве случаев обусловлено стремлением «преподать урок», «научить хорошим манерам», «сделать ребенка более послушным» и т. д. Вероятно, тот факт, что сегодня физическое насилие как метод воспитания в развитых странах постепенно утрачивает свою значимость (в том числе по причине развития институтов ювенальной юстиции и эффективной работы социальных служб), несколько стирает акценты на таких характеристиках, как послушание и хорошие манеры. В памяти поколений постепенно исчезают архетипы прежних моделей воспитания, что, в свою очередь, актуализирует значимость иных характеристик, которые, по мнению отцов, существенно важнее для успешного развития ребенка. Из представленных в таблице данных мы можем заключить, что более значимыми становятся решимость, независимость и развитое воображение – характеристики, в наибольшей степени способствующие успешной социализации вне семьи. Напомним, проведенный анализ позволяет говорить о том, что наибольшую эффективность демонстрируют две модели передачи опыта воспитания: прямая передача жестокого обращения и косвенная передача позитивных установок. Сопоставляя полученные сведения из всех представленных в работе источников данных, мы можем заключить, что на современном этапе происходит постепенный переход к модели косвенной передачи позитивных установок воспитания от поколения отцов П1 к П2, главными характеристиками которой являются искоренение социального рудимента в форме физических наказаний, использование умеренных методов контро-

ля (бесконтактных) и прививание навыков, способствующих успешной социализации вне семьи.

В 2019 году совместными усилиями научных коллективов Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан и Вологодского научного центра РАН была проведена серия из 40 интервью с мужчинами на предмет изучения генеративного поведения и практик современного отцовства. Выборку составили по 20 информантов от региона разного возраста (от 18 до 65 лет), из них 16 человек с детьми (6 отцов с одним ребенком, 8 с двумя детьми, двое многодетных) и четверо бездетных.

В ходе интервью респондентам, в числе прочего, предлагалось ответить на вопрос о том, какие методы поощрения и наказания они считают наиболее приемлемыми. Было выявлено, что опрашиваемые во многом переняли методы воспитания собственных родителей (в том числе и в отношении принципов умеренного контроля), но, отдавая должное современным реалиям, несколько их видоизменяют. Из результатов интервью стало очевидным, что практики физического насилия в отношении детей уже рассматриваются в качестве рудимента, и сейчас определить эффективность передачи такого опыта крайне затруднительно. Респонденты в подавляющем большинстве уверены в том, что отношение к собственным детям напрямую скажется на жизненных траекториях детей в дальнейшем. Безусловно, это оказывает влияние на структуру воспитательных практик. Опрошенные отцы как в Республике Татарстан, так и в Вологодской области склонны к моделям умеренного контроля без применения физического насилия, но с использованием бесконтактных наказаний в форме, например, отлучения от интернета и гаджетов. Вероятно, современное поколение отцов рассматривает эту практику в качестве наиболее эффективной. Возможно, данная модель прямых последствий негативных (с точки зрения детей) методов воспитания на длительное время укоренится в передаче опыта между поколениями. Также следует отметить, что большинство респон-

дентов крайне негативно относится к ранее широко распространенной (по их воспоминаниям) практике воспитания «ты мне – я тебе». Проще говоря, воспитание детей не должно опираться на принципы поощрения за совершенные поступки (например, вынес мусор – получи сладость), т. к. это в дальнейшем может отрицательно сказаться на процессах их социализации.

Теоретически можно определить наиболее успешную интегральную модель воспитания, которая должна соответствовать двум ключевым параметрам: отсутствие физического насилия по отношению к детям и активное участие в процессе социализации ребенка вне семьи. При этом, если второй из указанных параметров является важным, но необязательным (т. к. исследования демонстрируют, что антисоциальное поведение подростков далеко не всегда в будущем ведет к проявлению ими жестокого обращения с собственными детьми), то прямое физическое насилие выступает ключевым фактором сохранения и распространения подобного рода практик среди сменяющихся поколений. Можно заключить, что полное устранение из памяти поколений жестокого обращения с детьми возможно только при переходе к умеренным формам контроля/дисциплины, наиболее эффективной из которых является отстранение от любимых занятий.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что главной особенностью трансформации института отцовства в части воспитательных практик можно назвать повышение уровня «активной» вовлеченности в воспитание детей, в то время как еще несколько десятилетий назад наблюдался лишь высокий уровень «пассивной» ответственности (т. е. фактическое пребывание в одном пространственно-временном континууме с ребенком). В сумме с доказанным фактом позитивного влияния вовлеченности отцов на многие компоненты жизненных траекторий детей выявленный тренд трансформации института отцовства позволяет предположить качественно новые сдвиги в формировании семейно-детных

отношений в будущем. Однако существует целый ряд ограничений, замедляющих распространение модели активного вовлеченного отцовства.

Барьеры и ограничения трансформации института отцовства

Как отмечалось ранее, несмотря на целый ряд позитивных сдвигов в области расширения вовлеченности современных отцов в воспитательный процесс, в большинстве регионов мира (в том числе и в развитых странах) сохраняются стереотипы гендерного поведения мужчин в рамках семейно-детных отношений, препятствующие возможностям расширения спектра ролей внутри семьи. В данном случае следует обозначить авторскую позицию: говоря о барьерах и ограничениях, мы не подразумеваем, что традиционный тип семьи не соответствует современным реалиям. Речь идет лишь о ряде стереотипов, часто не позволяющих мужчинам в полной мере реализовываться в качестве отца с широким спектром внутрисемейных ролей и функций.

Устоявшиеся столетиями гендерные нормы и ожидания формируют распределение обязанностей внутри домохозяйства. Доказано, что принятые обществом убеждения и ценности существенным образом сказываются на формировании гендерных ролей внутри семьи, вне зависимости от индивидуальных предпочтений ее членов [24]. Компания Promundo в исследовании, опирающемся на результаты обследования более 2000 пар в США, выявила важную особенность современных семейно-детных отношений. В то время как большая часть мужчин склонна поддерживать женскую свободу и поощрять их стандартную трудовую занятость, не беспокоясь об общественном мнении (если жена, например, зарабатывает больше, чем он), женщина в гораздо большей степени обеспокоена тем, как общество отреагирует на то, что она передает основные воспитательные заботы своему супругу [24]. Таким образом, выстраивается сложная система, в которой общественное мнение косвенно

влияет на гендерные ограничения внутри семьи, вне зависимости от индивидуальных предпочтений отца и матери.

Помимо ограничивающих гендерных норм и ожиданий следует также отметить недостаточное внимание государства к отцам как субъектам семейно-детных отношений, практически повсеместное отсутствие стратегических программ развития института отцовства, недостаточный уровень социальной защищенности отцов, исключение их из ряда социальных услуг, не позволяющих им разделять обязанности по уходу за детьми и принимать более активное участие в воспитательном процессе. Очевидной представляется необходимость не только поиска способов преодоления этих барьеров, но и факторов их формирования.

Формирование общественных гендерных стереотипов оказывает прямое влияние на разработку государственных мер и стратегий в рамках семейной политики. Как свидетельствуют исследования, меры поддержки семей в первую очередь разрабатываются в отношении женщин, часто с учетом устоявшегося стереотипа о том, что отцы плохо подготовлены к уходу за детьми, не заинтересованы в нем или безответственны [27–29]. Обзор программ семейной политики показывает, что в подавляющем большинстве государств недооценивается важность отцовского участия в воспитательном процессе, а также не хватает надежных экспертных оценок, которые могли бы достоверно измерять вовлеченность отца в воспитание [13]. Результаты научных исследований идут в разрез с нормативными представлениями о недостаточной вовлеченности мужчин в воспитание собственных детей [7]. Как правило, нормативные и стратегические документы не учитывают факторы внутрисемейных отношений, преимущественно опираясь на социальную картину, укрепившуюся в культурно-исторической памяти поколений.

Именно на уровне семьи гендерная социализация с устоявшимися ролевыми моделями выступает основным барьером для расширения участия отцов в воспитательном процессе [24]. С раннего возраста

мальчики в процессе социализации узнают, как они должны вести себя в зависимости от пола. Став взрослыми, они склонны воспроизводить эти модели в своих семьях, оставаясь эмоционально нейтральными или обучая сыновей быть «настоящими мужчинами» за счет моделирования конкретных действий и поступков [9]. «Настоящий мужчина» в контексте гегемонной маскулинности и «хороший отец» в понимании современных принципов и требований к воспитанию вступают в противоречие, иницируя размывание гендерных ролей [30] как на уровне общественного сознания, так и в индивидуальных представлениях. Хотя нормативная среда остается консервативной, она часто резко контрастирует с личным мнением, которого придерживаются отцы. Исследования показывают, что мужчины желают активно участвовать в жизни своих детей, даже если не знают, как именно это делать [24]. Наблюдение и передача между поколениями в рамках семьи модели «вовлеченного отца» могут стать переломными моментами в преодолении общественно сформированных стереотипов.

Отсутствие благоприятной институциональной среды также является одним из важных барьеров для расширения участия отцов. В дополнение к общественным представлениям о гендерных ролях в семье немаловажными становятся стереотипы, связанные с трудовой деятельностью мужчин. Результаты исследовательского проекта *Helping Dads Care* компании *Promundo*, проведенного в Великобритании, США, Канаде, Японии, Аргентине и Нидерландах, показали, что свыше 80% мужчин считают главным препятствием в расширении их участия в воспитании детей позицию работодателя, а не внутрисемейные или общественные стереотипы [14]. Для большинства опрошенных выбор между профессиональной карьерой и семейными обязанностями очевиден, в том числе по причине страха быть «стигматизированным» в связи с несоответствием трудовым ролям.

Отпуск по уходу за ребенком выступает одним из наиболее заметных показателей

поддержки работодателями и государством мужчин, но чаще всего носит лишь формальный характер. Политика предоставления отпусков по уходу за ребенком сильно различается в отдельных странах и чаще всего имеет целый спектр ограничений, не позволяющих отцам получать эту поддержку. Кроме того, если отпуск по уходу за ребенком для матерей предоставляется в большинстве стран мира на длительные сроки, то для отцов устанавливаются не только временные, но и финансовые ограничения. По данным ЮНИСЕФ [24], это одно из самых ярких проявлений гендерной дискриминации, которому уделяется крайне незначительное внимание.

По сведениям Международной организации труда, в 2014 году только 79 стран предоставляли отпуск по уходу за ребенком для отцов, при этом оплачиваемый – лишь в 71 стране. В половине из них отпуск составляет менее трех недель [11]. Из-за недостаточной материальной компенсации и короткого периода времени, предусмотренного политикой предоставления отпусков по уходу за ребенком, такая возможность будет с меньшей вероятностью востребована отцами, поскольку они часто являются основным источником дохода в своих семьях. В рамках опроса, проведенного в нескольких странах мира [14], было выяснено, что даже в благоприятной институциональной среде лишь порядка 10% отцов брали либо планируют взять отпуск по уходу за ребенком.

Наконец, последним крупным барьером выступает «отдаленность» от мужчин системы социального обеспечения. В большинстве стран мира мужчины пассивно (а иногда и активно) исключаются из области предоставления услуг для детей и семьи, включая услуги по охране здоровья родителей, новорожденных, социальной защиты, и часто игнорируются специалистами и практиками в целом ряде областей здравоохранения [14].

Отметим, что перечисленные барьеры формируют целую систему дискриминационных практик, препятствующих расширению включенности отцов в воспитание детей как на ментальном, так и институцио-

нальном уровне. При этом они взаимосвязаны между собой. Очевидно, что, несмотря на масштаб проблемы, первостепенной должна стать задача, связанная со сменой общественного восприятия ролей мужчины внутри семьи. Представляется, что наиболее эффективным способом может стать демонстрация моделей вовлеченного отцовства с целью передачи опыта между поколениями. Воспроизведение этой практики в значительном масштабе может привести к росту предложений различного рода социальных услуг для отцов, что естественным образом изменит в положительную сторону институциональную среду.

Заключение

Подводя итог, отметим наиболее важные моменты. Теоретические и эмпирические исследования проблем отцовства на глобальном уровне позволяют не просто проследить трансформацию института отцовства, но и концептуализировать основные факторы этого процесса. Очевидно, что наиболее значимой предпосылкой выступает постепенное установление гендерного равенства не только на общественном, но и на внутрисемейном уровне. Отцы все чаще принимают участие в воспитательном процессе, при этом постепенно расширяя спектр своих практик и функций. Приведенные данные свидетельствуют о том, что вовлеченность отцов положительным образом сказывается на целом ряде элементов жизненных траекторий детей (в частности, раннем когнитивном развитии, успешности социализации вне семьи и др.). На наш взгляд, трансформация института отцовства может стать серьезным общественным изменением, которое в перспективе будет способствовать не только социальным трансформациям, но и повышению уровня рождаемости, снижению числа разводов, стабилизации института семьи в целом.

Несмотря на позитивные изменения и имеющийся колоссальный потенциал, трансформация института отцовства происходит, вероятно, гораздо медленнее возможного сценария в силу существующих барье-

ров и ограничений. Они преимущественно связаны с сохранением в памяти поколений устоявшихся гендерных ролей, которые препятствуют реализации индивидуальных стратегий поведения внутри семьи, в том числе за счет отсутствия соответствующих компетенций. Помимо этого, перед отцами встают институциональные барьеры, ограничивающие не только функционал взаимодействия с детьми, но и временные ресурсы, которые отцы могут использовать для воспитания ребенка.

На наш взгляд, наиболее эффективным способом преодоления барьеров может стать демонстрация моделей вовлеченного отцовства внутри семьи с целью передачи опыта между поколениями. Если эта практика будет воспроизводиться в большом масштабе, то повлечет рост предложения различного рода социальных услуг для отцов. Это естественным образом изменит институциональную среду, сделав ее более благоприятной для позитивно-активного вовлеченного отцовства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nurturing Care for Early Childhood Development: A Framework for Helping Children Survive and Thrive to Transform Health and Human Potential*. Geneva: World Health Organization, 2018. 64 p.
2. Ильдарханова Ч.И., Барсуков В.Н. Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований // Гуманитарий юга России. 2019. № 6. С. 211–227.
3. Cabrera N., Tamis-LeMonda N., Bradley B., Hofferth S., Lamb M. Fatherhood in the 21st century. *Child Development*, 2000, vol. 71, pp. 127–136.
4. Pleck J. Paternal involvement: Revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes. *The Role of the Father in Child Development*, 2004, vol. 4, pp. 67–107.
5. Bandura A. Social learning theory. *Behavioral Approaches to Therapy*, 1976, vol. 1, pp. 1–46.
6. Yeung J., Glauber R. *Time Use Patterns for Children in Low Income Families*. Paper presented to Childhood Poverty Seminar: Utah, 2004. 67 p.
7. Pleck J.H., Masciadrelli B.P. Parental involvement: levels, sources and consequences. *The Role of the Father in Child Development*, 2004, vol. 4, pp. 222–271.
8. Sayer L., Bianchi S.M., Robinson J.P. Are parents Investing less in children? Trends in mothers' and fathers' time with children. *American Journal of Sociology*, 2004, vol. 110, pp. 1–21.
9. Baker C.E. Father-son relationships in ethnically diverse families: links to boys' cognitive and social emotional development in preschool. *Journal of Child and Family Studies*, 2017, vol. 26, pp. 2335–2345.
10. Bronte-Tinkew J., Carrano J., Horowitz A., Kinukawa A. Involvement among resident fathers and links to infant cognitive outcomes. *Journal of Family Issues*, 2008, vol. 29 (9), pp. 1211–1244.
11. Jeong J., McCoy D.C., Yousafzai A.K., Salhi C., Fink G. Paternal stimulation and early child development in low- and middle-income countries. *Pediatrics*, 2016, vol. 138 (4).
12. Jeong J., McCoy D.C., Fink G. Pathways between paternal and maternal education, caregivers' support for learning, and early child development in 44 low- and middle-income countries. *Early Childhood Research Quarterly*, 2017, vol. 41, pp. 136–148.
13. Jia R., Kotila L.E., Schoppe-Sullivan S.J. Transactional relations between father involvement and preschoolers socioemotional adjustment. *Journal of Family Psychology*, 2012, vol. 26 (6), pp. 848–857.
14. Lamb M.E., Chuang S.S., Hwang C.P. Internal reliability, temporal stability, and correlates of individual differences in paternal involvement: a 15-year longitudinal study. *Re-conceptualizing and Measuring Father Involvement*, 2004, vol. 1, pp. 129–148.
15. Roggman L.A., Boyce L., Cook G.A., Christiansen K., Jones D. Playing with daddy: Social toy play, early head start, and developmental outcomes. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, 2007, vol. 2 (1), pp. 61–83.
16. Downer J., Campos R., McWayne C., Gartner T. Father involvement and children's early learning: a critical review of published empirical work from the past 15 years. *Marriage & Family Review*, 2008, vol. 43, pp. 67–108.
17. Duursma E. The effects of fathers' and mothers' reading to their children on language outcomes of children participating in early head start in the United States. *Fathering: a Journal of Theory and Research about Men as Parents*, 2008, vol. 12 (3), pp. 283–302.

18. Jaynes W.H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achievement. *Urban Education*, 2015, vol. 50 (4), pp. 387–423.
19. Garfield C.F., Isacco A.J. Urban fathers' involvement in their child's health and healthcare. *Psychology of Men & Masculinity*, 2012, vol. 13 (1), pp. 21–32.
20. Allgood S.M., Beckert T.E., Peterson C. The role of father involvement in the perceived psychological well-being of young adult daughters: A retrospective study. *North American Journal of Psychology*, 2021, vol. 14 (1), pp. 95–110.
21. Flouri E., Buchanan A. The role of father involvement in children's later mental health. *Journal of Adolescence*, 2003, vol. 26 (1), pp. 63–78.
22. Alloy L.B., Abramson L.Y., Tashman N.A., Berrebbi D.S., Hogan M.E., Whitehouse W.G. Developmental origins of cognitive vulnerability to depression: Parenting, cognitive, and inferential feedback styles of the parents of individuals at high and low cognitive risk for depression. *Cognitive Therapy and Research*, 2001, vol. 25 (4), pp. 397–423.
23. Burgess A. *The Costs and Benefits of Active Fatherhood: Evidence and Insights to Inform the Development of Policy and Practice*. Fathers Direct: London, UK, 2006. 99 p.
24. Levto R., van der Gaag N., Greene M., Kaufman M., Barker G. *State of the World's Fathers: A MenCare Advocacy Publication*. Washington, DC: Promundo, 2018. 288 p.
25. Chang L., Schwartz D., Dodge K.A., McBride-Chang C. Harsh parenting in relation to child emotion regulation and aggression. *Journal of Family Psychology*, 2003, vol. 17 (4), pp. 572–598.
26. McKee L., Roland E., Coffelt N. Harsh discipline and child problem behaviors: The roles of positive parenting and gender. *Journal of Family Violence*, 2007, vol. 22 (4), pp. 187–196.
27. Dyson J.L. The effect of family violence on children's academic performance and behavior. *Journal of the National Medical Association*, 1990, vol. 82 (1), pp. 17–29.
28. Holt S., Buckley H., Whelan S. The impact of exposure to domestic violence on children and young people: A review of the literature. *Child Abuse & Neglect*, 2001, vol. 32 (8), pp. 797–810.
29. Margolin G., Vickerman K.A. Posttraumatic stress in children and adolescents exposed to family violence: II. Treatment. *Professional Psychology: Research and Practice*, 2007, vol. 38 (6), pp. 620–632.
30. Ильдарханова Ч.И., Калачикова О.Н. Концептуализация понятия «генеративное поведение»: методологические возможности гендерного подхода // Казан. экон. вестн. 2019. № 5. С. 77–84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виталий Николаевич Барсуков – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lastchaos12@mail.ru

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru

Barsukov V.N., Kalachikova O.N.

TRANSFORMATION PREREQUISITES AND LIMITATIONS OF MODERN FATHERHOOD INSTITUTE

In the 21st century, the problem of fathers' participation in children upbringing is relevant for several reasons. From an economic point of view, this is due to the spread of gender equality and increased women's presence in the labor market. On the other hand, research suggests a significant

relationship between the father's complex involvement in child care and the stability of relations between spouses which reflects the importance of this issue in the socio-cultural coordinate system. Our work is devoted to the study of the effects of paternal parenting and barriers to the spread of a new model of positive inclusive fatherhood. Materials of our research include data from foreign studies, the results of a series of interviews in the Republic of Tatarstan and the Vologda Oblast, and the findings of the World Values Survey. Based on the analysis, we have noted the main transformation feature of the fatherhood institution: an increase in the level of "active" involvement in the children upbringing, while a few decades ago it was possible to speak only about a high level of "passive" responsibility (i.e., an actual stay in the same space-time continuum with a child). Including the proven fact of the positive impact of fathers' involvement on many components of the children's life trajectories, the revealed trend of transformation of the fatherhood institution suggests qualitatively new shifts in the formation of family-child relations in the future. However, despite positive changes and enormous potential, transformation of the fatherhood institution is probably much slower than it is possible due to the existing barriers and restrictions, mainly related to the preservation of established gender roles in the generations' memory. Such roles hinder the implementation of individual behavioral strategies within a family – also due to the lack of appropriate competencies. In addition, fathers face institutional barriers that limit not only the functionality of interaction with children, but also the time resources that fathers can use to bring up a child.

Men, fatherhood practices, generative behavior, demographic crisis.

REFERENCES

1. *Nurturing Care for Early Childhood Development: A Framework for Helping Children Survive and Thrive to Transform Health and Human Potential*. Geneva: World Health Organization, 2018. 64 p.
2. Ildarhanova Ch.I., Barsukov V.N. The state and transformation of the fatherhood institute: a review of foreign studies. *Gumanitarniy yuga Rossii=Humanities of the South of Russia*, 2019, no. 6, pp. 211–227 (in Russian).
3. Cabrera N., Tamis-LeMonda N., Bradley B., Hofferth S., Lamb M. Fatherhood in the 21st century. *Child Development*, 2000, vol. 71, pp. 127–136.
4. Pleck J. Paternal involvement: Revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes. *The Role of the Father in Child Development*, 2004, vol. 4, pp. 67–107.
5. Bandura A. Social learning theory. *Behavioral Approaches to Therapy*, 1976, vol. 1, pp. 1–46.
6. Yeung J., Glauber R. *Time Use Patterns for Children in Low Income Families*. Paper presented to Childhood Poverty Seminar: Utah, 2004. 67 p.
7. Pleck J.H., Masciadrelli B.P. Parental involvement: levels, sources and consequences. *The Role of the Father in Child Development*, 2004, vol. 4, pp. 222–271.
8. Sayer L., Bianchi S.M., Robinson J.P. Are parents investing less in children? Trends in mothers' and fathers' time with children. *American Journal of Sociology*, 2004, vol. 110, pp. 1–21.
9. Baker C.E. Father-son relationships in ethnically diverse families: links to boys' cognitive and social emotional development in preschool. *Journal of Child and Family Studies*, 2017, vol. 26, pp. 2335–2345.
10. Bronte-Tinkew J., Carrano J., Horowitz A., Kinukawa A. Involvement among resident fathers and links to infant cognitive outcomes. *Journal of Family Issues*, 2008, vol. 29 (9), pp. 1211–1244.
11. Jeong J., McCoy D.C., Yousafzai A.K., Salhi C., Fink G. Paternal stimulation and early child development in low- and middle-income countries. *Pediatrics*, 2016, vol. 138 (4).
12. Jeong J., McCoy D.C., Fink G. Pathways between paternal and maternal education, caregivers' support for learning, and early child development in 44 low- and middle-income countries. *Early Childhood Research Quarterly*, 2017, vol. 41, pp. 136–148.
13. Jia R., Kotila L.E., Schoppe-Sullivan S.J. Transactional relations between father involvement and preschoolers socioemotional adjustment. *Journal of Family Psychology*, 2012, vol. 26 (6), pp. 848–857.
14. Lamb M.E., Chuang S.S., Hwang C.P. Internal reliability, temporal stability, and correlates of individual differences in paternal involvement: a 15-year longitudinal study. *Re-conceptualizing and Measuring Father Involvement*, 2004, vol. 1, pp. 129–148.

15. Roggman L.A., Boyce L., Cook G.A., Christiansen K., Jones D. Playing with daddy: Social toy play, early head start, and developmental outcomes. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, 2007, vol. 2 (1), pp. 61–83.
16. Downer J., Campos R., McWayne C., Gartner T. Father involvement and children’s early learning: a critical review of published empirical work from the past 15 years. *Marriage & Family Review*, 2008, vol. 43, pp. 67–108.
17. Duursma E. The effects of fathers’ and mothers’ reading to their children on language outcomes of children participating in early head start in the United States. *Fathering: a Journal of Theory and Research about Men as Parents*, 2008, vol. 12 (3), pp. 283–302.
18. Jeynes W.H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achievement. *Urban Education*, 2015, vol. 50 (4), pp. 387–423.
19. Garfield C.F., Isacco A.J. Urban fathers’ involvement in their child’s health and healthcare. *Psychology of Men & Masculinity*, 2012, vol. 13 (1), pp. 21–32.
20. Allgood S.M., Beckert T.E., Peterson C. The role of father involvement in the perceived psychological well-being of young adult daughters: A retrospective study. *North American Journal of Psychology*, 2021, vol. 14 (1), pp. 95–110.
21. Flouri E., Buchanan A. The role of father involvement in children’s later mental health. *Journal of Adolescence*, 2003, vol. 26 (1), pp. 63–78.
22. Alloy L.B., Abramson L.Y., Tashman N.A., Berrebbi D.S., Hogan M.E., Whitehouse W.G. Developmental origins of cognitive vulnerability to depression: Parenting, cognitive and inferential feedback styles of the parents of individuals at high and low cognitive risk for depression. *Cognitive Therapy and Research*, 2001, vol. 25 (4), pp. 397–423.
23. Burgess A. *The Costs and Benefits of Active Fatherhood: Evidence and Insights to Inform the Development of Policy and Practice*. Fathers Direct: London, UK, 2006. 99 p.
24. LevtoV R., van der Gaag N., Greene M., Kaufman M., Barker G. *State of the World’s Fathers: A MenCare Advocacy Publication*. Washington, DC: Promundo, 2018. 288 p.
25. Chang L., Schwartz D., Dodge K.A., McBride-Chang C. Harsh parenting in relation to child emotion regulation and aggression. *Journal of Family Psychology*, 2003, vol. 17 (4), pp. 572–598.
26. McKee L., Roland E., Coffelt N. Harsh discipline and child problem behaviors: The roles of positive parenting and gender. *Journal of Family Violence*, 2007, vol. 22 (4), pp. 187–196.
27. Dyson J.L. The effect of family violence on children’s academic performance and behavior. *Journal of the National Medical Association*, 1990, vol. 82 (1), pp. 17–29.
28. Holt S., Buckley H., Whelan S. The impact of exposure to domestic violence on children and young people: A review of the literature. *Child Abuse & Neglect*, 2001, vol. 32 (8), pp. 797–810.
29. Margolin G., Vickerman K.A. Posttraumatic stress in children and adolescents exposed to family violence: II. Treatment. *Professional Psychology: Research and Practice*, 2007, vol. 38 (6), pp. 620–632.
30. Ildarkhanova Ch.I., Kalachikova O.N. Conceptualization of the term “generative behavior of men”: methodological potential of gender approach. *Kazanskiy ekonomicheskiiy vestnik=Kazan Economic Vestnik*, 2019, no. 5, pp. 77–84 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitalii N. Barsukov – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lastchaos12@mail.ru

Ol’ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director For Science, Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru